

13 января 1988 г. № 2 (5172)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПРЕМИРОВАННОЕ НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬСТВО

Присуждение Государственной премии РСФСР имени М. Горького С. Куняеву как критику-публицисту у меня вызвало чувство возмущенного недоумения. Признаться, я не верил, что ему могут присудить эту премию, которая носит имя человека, плакавшего, когда он слушал чужие стихи. Поэтому я и упустил шанс выступить в прессе при обсуждении кандидатур.

Обратимся к премированной книге. Вот, например, прямые оскорбления В. Высоцкого: «Высоцкий многое отдавал за эстрадный успех. У «златоустого блатаря», по которому, как сказал Вознесенский (? — Е. Е.), должна «рыдать Россия», нет ни одной (I — Е. Е.) светлой песни о ней, о ее великой истории, о русском характере, песни, написанной любовью или хотя бы (I — Е. Е.) блоковским чувством...» И еще пострашнее: «...знаменитый бард ради эстрадного успеха, «ради красного словца» не щадил наших национальных святынь». Или: «Песни эти не боролись с распадом, а, наоборот, эстетически обрамляли его».

Какое странное противопоставление, когда Государственная премия РСФСР присуждается книге, где безнаказанно шельмуется безвременно потерянный нами певец, актер, поэт, только что, к нашей горькой, но все-таки радости, удостоенный посмертно Государственной премии СССР! Более чем неделикатно. Трудно после этого деликатничать, «смягчать формулировки», говоря с Куняевым и с его поощрителями.

Куняев начал оскорблять Высоцкого еще со своей статьи в «Нашем современнике» (№ 7, 1984), замешенной на фальсифицированной истории с якобы затоптанной варварами — поклонниками Высоцкого никогда на самом деле не существовавшей могилой некоего «майора Петрова». По свидетельствам, «жулики, которых потом посадили, сделали такую бутфорскую могилу, чтобы найти на нее покупателя» («Московский литератор», 10 июля 1987 г.). Как же можно было давать Государственную премию книге, где оплевывается могила Высоцкого с лживой высоты придуманной жуликами фальшивой могилы? Куняев приписывает Высоцкому в премированной книге даже то, что «нынешний ребенок, если он сначала услышит пародию Высоцкого на «Лукоморье», уже едва ли испытает это душеобразующее (I — Е. Е.) чувство, прочитав «Лукоморье» настоящее, потому что персонажи его уже безнадежно (I — Е. Е.) осмеяны. Сказка умерщвлена (I — Е. Е.)...» Высоцкий предстает в куняевской книге «умерщвителем» Пушкина, антиподом Шукшина, растлителем вкуса.

Если собрать всех адресатов куняевских нападок, то выяснится, что их общее ка-

чество, которого Куняев физически не переносит, — это популярность. В премированной книге Куняев приводит и свои стихи на эту тему, являющиеся подкреплением статей: «Рифмачи, трубащи, хохмачи, разноликое племя эстрады, я подумал в деревне Ручьи, над которой пылают закаты, что исчезнут, в пространстве смердя (I — Е. Е.), гонорары, престижи, афиши, но дойдет до грядущего дня этот вечный дымок из-под крыши, где старуха, что зелье (самогонку, что ли? — Е. Е.) варит и бормочет обрывок напева, с большей страстью культуру творит, чем вся ваша большая капелла...» Это уже оскорбление скопом не только «эстрадных поэтов», но и актеров, певцов, сатириков, музыкантов, всех, кто осмелился стать популярным, прикоснувшись ногой к «ведьминому месту» — эстраде. Но если уж быть принципиальным, то сам Куняев, подавая другим пример, должен был отказаться и от гонораров, и от афиш, а ведь не раз и он на наших глазах опускался до сего, по его мнению, нечестивства и отступничества от «вечного искусства», дозволяя собственные афиши над «смердящим» ЦДЛ. Стихи эти безнадёжно плохие, и смысл их ханжеский, завистливый. Неплохо бы Куняеву помнить, что зависть подобна лисенку, который был спрятан за пазуху юным обуянным гордыней спартанцем, и в конце концов выел ему внутренности. Надо научиться прощать другим популярность большую, чем твоя, ибо эта популярность не всегда фальшивая, дешевая, иногда выстрадана всей жизнью, заслужена талантом, которую не высидишь при всей усидчивости, свойственной амбициозным посредственностям. Вот с каким высокомерием пишет Куняев в премированной книге о великом художнике Марке Шагале, с чьей живописи, к счастью, снят сейчас многолетний запрет: «Шагал — декоративен... Иллюстрации (I — Е. Е.) Шагала... в сущности математичны, рационально вычислены, плоскостны. В его творчестве явственно литературная основа. В нем отсутствует лирическое усилие, без которого невозможно со-

здание полноценного художественного мира». На Вознесенского Куняев наклеивает с маху политический ярлык: «...стихи Вознесенского о народах и странах, «предназначенных любви», демонстративно лишены социально-исторического подхода и классовых критериев...». Неужели стоит поощрять наклеивание писателям политических ярлыков?

Куняев, как и все другие литераторы, конечно, вправе высказывать свои, даже самые резкие, оценки, но премировать от имени России агрессивное недоброжелательство к стольким живым и мертвым — как это можно было позволить? Когда-то, в 50-х годах, Светлов задал нам, молодым поэтам, упражнение на строчку, придуманную им самим: «Добро должно быть с кулаками». Как же отблагодарил Куняев старшего поэта за единственную, ставшую затем широко известной куняевскую строчку, да и то подаренную ему Светловым? В премированной книге, правда, нет возмутительной куняевской статьи «Ради жизни на Земле», но она была напечатана в 8-м номере «Молодой гвардии» за 1987 год, а при обсуждении кандидатур, на мой взгляд, должен идти разговор не только о конкретных книгах, но и о нравственном облике писателей в целом.

Вот что пишет Куняев о Светлове, Баррицком, докатываясь до таких оскорбительных обобщений, на которые не решились даже в худшие времена: «"Забудь про Светлова с Баррицким, — это означало, что поэт другого поколения бесстрашно и точно сформулировал суть нового мышления, Нового гуманизма..." Нет, не может быть нового мышления, частью которого не стала светловская «Гренада», ибо новое мышление зиждется не на узком национализме, истерически переходящем в шовинизм, а на великих идеях интернационального братства. Нехорошо, некрасиво, когда Куняев злорадно принижает поэзию Слуцкого («...Ни о каком окопном товариществе, ни о каком фронтовом братстве здесь нет и речи. Политрук Слуцкого стремится к своей цели любой ценой, а «славяне и елдаши» для него всего лишь винтики войны...»),

Межирова («для него, баловня судьбы, сибарита», война «как бы грозный, но все-таки театр»), Окуджавы («карбатская хемингуэвщина»). Был бы Светлов жив, то он горько бы вздохнул: «Кулаки есть, но где же добро?»

И уж совсем морально непозволительно, когда Куняев с холодной издевкой насмехается над молодыми поэтами, когда-то погибшими на фронте — П. Коганом, А. Копштейном, Н. Отрадой, М. Кульчицким, доходя до бестактно ернического обобщения, говоря, что их стихи были «похожи на попытки художников французской революции изображать героев 1789 — 1793 годов в греческих шлемах, в античных туниках, с короткими мечами и щитами времен Троянской войны».

Куняев выражает коленопреклоненное восхищение Блоком, Есениным, Рубцовым. Но можно поневоле засомневаться в человеке, если, сентиментально восхищаясь классикой, он небрежно и жестоко оскорбляет погибших ради того, чтобы мы с вами жили. Нельзя премировать за это, нельзя...

Вообще, мне кажется, что с премиями у нас неблагополучно. Так, премия Ленинского комсомола за 1987 год была присуждена Феликсу Чуеву даже без возможности общественного обсуждения, ибо его фамилия в списках кандидатур не значилась. Этот факт с красноречивой откровенностью, не стесняясь, сообщил председатель комиссии по премиям Анатолий Иванов в своем интервью «Комсомольской правде» (от 4 ноября).

В статье А. Латыниной, напечатанной в «ЛГ», во многих письмах читателей справедливо говорилось о том, что в атмосфере демократизации к присуждениям премий нужно относиться принципиально. Иначе престиж премий будет все более падать.

Как русский поэт, русский читатель я возражаю против решения о присуждении С. Куняеву Государственной премии РСФСР.

Евг. ЕВТУШЕНКО

ОТ РЕДАКЦИИ

В своем письме Евг. Евтушенко справедливо замечает, что он «упустил шанс» принять участие в обсуждении книги С. Куняева, когда она была выдвинута на соискание Государственной премии РСФСР. А ведь для этого было предоставлено более двух месяцев.

Тем не менее редакция сочла возможным напечатать сегодня письмо Евг. Евтушенко, имея в виду, что факт присуждения Государственной премии не исключает существования разных точек зрения на то или иное произведение, ее достоинств.

13/1-88

(хуняев)
Евтушенко
Евтушенко
Куняев

313